

Арон Липовецкий

Уроки живописи Эхо

стихи и переводы

Арон Липовецкий

**Уроки живописи. Эхо.
Стихи и переводы**

«Издательские решения»

Липовецкий А.

Уроки живописи. Эхо. Стихи и переводы / А. Липовецкий —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-936768-6

Книга состоит из двух независимых частей: стихов, посвященных художникам, и их полотнам и рисункам; а также переводов, в которых автор пробует говорить голосами известных поэтов.

ISBN 978-5-44-936768-6

© Липовецкий А.
© Издательские решения

Содержание

Уроки живописи. Эхо	6
Уроки живописи	7
Альбрехта Дюрер, «Заяц»	8
Петербургская элегия	10
Якову Фельдману, художнику	11
«Этот ключ разошелся с дверью уже с полсотни лет...»	12
«Рисовать на небритой руке...»	13
Albert Marquet, Vesuvius 1909	14
Маттиас Грюневальд, «Поругание Христа»	15
Дважды два	16
Танец	17
Питер-Пауль Рубенс, «Охота на кабана»	18
Старые доски	20
Peretz Veda Mayer, artist	21
Нектар	23
Конец августа. Гюстав Доре	24
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Уроки живописи. Эхо Стихи и переводы

Арон Липовецкий

© Арон Липовецкий, 2018

ISBN 978-5-4493-6768-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Уроки живописи. Эхо
стихи и переводы

Уроки живописи

Альбрехта Дюрер, «Заяц»



Ни силок, ни гончая, ни стрела.
Стрекнут ли чуткие уши, дрогнут ли ноздри?
Беги, заяц, беги.

Свора преданных шустрых иголок
Вопьется, шнырнет вниз вверх,
Извлечет по стежку на гладь гобелена,
На его бархатистый бок,
На щетину его щеки,
Выставит все на робком свету:
До колоска, до мятежного волоса,
До раскосого жеста зрачков прищуренных.

Ни рожок, ни лай, ни гон, ни звон стремян.
О чем наивном бесстрашно задумался ты?
Беги, заяц, беги.

Стайкой пугливых мазков
Прослезится люгая кисть,
Золотом оттенит надменность,
Отвлечет прозрачной вуалью,
Соблазнит переливами перстней.
Будто не о тебе барабанят
Беспокойные пальцы
По резному подлокотнику со львом.

Ни сивушный дух, ни каминный чад, ни гарь кострища.
Брось позировать безмятежно: волосок к волоску.
Беги, заяц, беги.

Первый талый снежок предаст.
На мокром стволе ели заваленой оскользнешь.
К прелой листве подмешается твой дурман —
Ошалевшие псы на приманке повиснут.

Полусонной ватагой, кодрой с дрекольем,
Почесываясь, потягиваясь, зевая,
Вовсе не за тобой
Смерть твоя выйдет
К рассветной опушке лениво.
Заденет тебя ненароком.

Ни сеть у седла, ни клинок, ни соколиный желток,
Ни силок, ни гончая, ни стрела
Отступить не умеют.
Ни игла, ни кисть, ни глаз скучающий
Не упустят тебя, если ты не прянешь стремглав.
Беги, заяц, беги.

Петербургская элегия



Юлия Кокужева, художница

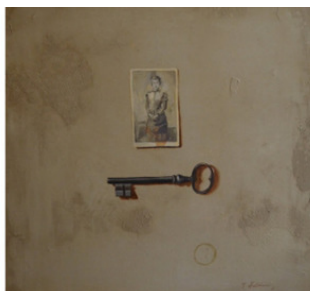
Север, север, двойные рамы, светлые ночи
и затянувшийся на долгий взгляд рассвет.
В окнах при желтом вздохе еще бормочет
под растворимый кофе невыспавшийся поэт.

Смиренный викинг, где дальний обшлаг залива,
из-под Москвы татары, под боком стоит пруссак.
Только вверх глазеть да уповать болтливо
на лестницу в небо, с чашкой, в одних трусах.

Прошлое настоялось и выстояло настоящим,
разлито по парадным мерцанием на просвет.
Что тебе здесь? Ты не впередсмотрящий,
так пригуби, поежься, облокотись в ответ.

Сырые стоны по борту, небеса в канавке,
морошный гул от верфи сукровицей подвоха
растеклись по венам дворов, где ожидания навык
передается эстафетной палочкой Коха.

Якову Фельдману, художнику



«Этот ключ разошелся с дверью уже с полсотни лет...»

Этот ключ разошелся с дверью уже с полсотни лет.
Ни двери, ни дома, ни города больше нет.
И страна, кажись, разошлась на племя.
Что ему? Выжидает, как его закалило время.
Он посматривает с холодком одним глазком,
о, как жарки будут соитья с родным сундуком!

Перемигивался со скважинами самородок
увесистый, леденил ладони, с запахами теней
болтался по связкам, валялся среди белья,
простыней, нижних юбок, косовороток.
А дама на фото строга. Не думай о ней,
обычная дама: папенька, пансион, семья.

«Рисовать на небритой руке...»

Рисовать на небритой руке,
на небритой щеке,
рисовать до пришествия бритвы,
до щекотки ветров в рукаве
до скончания тока в розетке.
По канве первой капли в пипетке
кисти, клюва перед вспорхом
под свод золотой.
Остальное – отстой.
Сам без спроса стоял босой
на столпе на одной ноге.

Albert Marquet, Vesuvius 1909



– Мы разминулись, где ты сейчас?
– Иди прямо по коридору до развилки,
комната NN. Ждем, это твое время.
– Бегу, – иду быстрым шагом,
не замечая встречных, обгоняю и уступаю.
Коридоры двоятся, сливаются,
упираются в запасной выход.

– Да ты что? – раскаленно шепчет телефон.
– Это нужно только тебе! У тебя
секунд десять, не больше.

Понимаю, что опоздал.
Погружаюсь в апатию, иду по коридору
и мне снова попадается выход на балкон.
Из тихого садика на теплом воздухе
сверху виден город в сторону моря.
И поодаль за темными полосками лодок
в мареве проступает силуэт Везувия.
Вечер становится волшебным.

Маттиас Грюневальд, «Поругание Христа»



В последнем своем письме
ты неодобрительно отзываешься
о Грюневальде и Босхе.
Их римские легионеры в
евангельских сюжетах похожи
на средневековых ландскнехтов.
Размышляя об этом,
я вдруг представил себе
картину советского художника,
где хитроватые партийцы
изображают обремененность властью
за спиной у всегда готовых
розовощеких милиционеров,
понукающих изнуренного Иисуса
тащить свой крест на Голгофу.

Дважды два

На репродукции был город
весь во флагах и лозунгах
с надписями « $2 \times 2 = 5$ ».
А по улице бежал парень
с флагом « $2 \times 2 = 4$ »,
его нагоняла санитарная машина.
Мы постебались, поржали,
кто-то выпросил картинку себе
и мы разошлись.

По дороге я вспомнил город
перед ноябрьскими
с голыми деревьями и моросью в воздухе.
На отсыревшие стенах домов
огромные портреты вождей
Повсюду билборды с
порядковым номером годовщины,
призывы «всемерно крепить».
Обычно уже была истрачена
премия за третий квартал.
Стояли очереди
за выброшенными
к празднику продуктами.
В это время мимо
пронеслась с сиреной
санитарная машина.
На мгновение я решил,
что это за мной.

Танец

*Ни один здравомыслящий человек
никогда не будет танцевать
Цицерон*

осторожно наступаю на доску
косо уходящую в воду
поскальзываюсь и отдергиваю ногу
она на весу
балансирую на одной ноге
полуприсев и раскинув руки
держу шаткое равновесие
ни здесь ни там

Питер-Пауль Рубенс, «Охота на кабана»



Рукою сильной, мышцею простертой,
ладонью открытой повели остановить.
Чуть наклони вперед,
кивни кончиками пальцев —
хватит, мол.
Дай ему распороть эту свору песью,
повисшую на щетине,
отшвырнуть бревно,
за которым прячутся мужики,
ворочаются поторапливаясь,
кряжистые лодыжки упирают,
выставляют длиннорogie шипастые вилы.

Замрут собаки в прыжке, застынет выдох в трубе.
Он лишь хотел опьяниться гнилой травой,
настучать письмо вслепую по клавишам корневищ,
по слою жухлых листьев туманом расправиться мощно,
хлынуть, пролиться в лес ручьями темными томными.

Позови санитаров, врачей, сиделок милосердных,
знахарей, ворожей, шаманов камлающих
с корпией паленой, йодом летучим.

Тебе ли не знать,
вынюхали, взвесили, отмеряли они —
сердце его похоже на человечесьё,
на их одряхлевшее.

Они за сердцем его пришли,
эти всадники, что ворвутся вот-вот
с копьями, клинками, мушкетами,
алебардами, арбалетами, стилетами,
лезвием за спиной, заточкой, ложкой тупой,
разогнутым крючком с заусенцем ржавым.

Объясни им, что опоздали они, дураки.
Пацан этот, под картиной спящий,
с ангиной и жаром в градуснике под мышкой
забрал его сердце, ну и что, что нечистое,
зато о страхе забыло, смерти не знает —
только такие побеждают.

Не буди его,
операция по вживлению прошла успешно:
немного ярости, немного слез.
Забрал он жестоковыйность веселую
под наркозом боли горловой
с фурацилином канареечным, прополисом на спирту,
здесь, за перегородкой, где темно и тихо,
где он один и все одному.
Пару дней еще, и выйдет к ним.

Старые доски



Инне Романовой, художнице

Я вышел, но остался в комнате магнит
высокой стойкости в иссохших досках.
Смола воспоминаний застыла по щелям.
Сознайся, расскажи, о чем она темнит,
что за сюжет в глотках и папиросках
скрипит и стонет по ее петлям?

Лишь пальцем проведи, апрельской бирюзой
ответит львиный лик и пастораль прольется.
Нахлынет стук дверей и каблучков
и хохот шелковый и комариный зной
и мёдом медным в строгости пропорций
девчачья радость древних косяков.

Попрятались гурьбой за ними второпях
купечьи прихоти и аромат волокон...
— Какая им теперь дорога предстоит? —
я шел и мнилось мне в деревьях и камнях
тянулись шлейфом родственники окон.
Там даже время в очереди спит.

Peretz Beda Mayer, artist



Елене Макаровой

Напоследок он оглянулся в дверях:
альбомы, книги,
портрет в простенькой оправе,
его мольберт и кисти...
– придется обойтись,
обойдемся, дело наживное.

Лео ждал внизу,
он нервничал: кругом же немецкие патрули.
Братья Майер растворились в городской неразберихе,
они разошлись, чтобы ускользнуть из города,
как надеялись и тысячи других евреев Праги.

– Мне повезло, он был любитель искусства,
комендант пересылочного лагеря на Маврикии.
Он рассказывал мне о Ван Гоге, – Беда усмехается,
– «Винсент был очень несчастлив:
картины его не продавались,
долги брату Тео росли,
женщины его никогда не любили...
И это испепеляющее солнце Прованса»

– Зато как я бывал счастлив на Маврикии,
когда получал от него «гонорар»
за копию Ван Гога.
Тогда для Ханы
я снова был высок, красив и талатлив.
Я мог убедить себя на весь долгий вечер,
что Лео жив, что картины не сгорели,
что я еще поймаю
эти тающие облака, розовые и голубые,
эту дымку лиц под масками и цветов на шляпах.
Мы с Ханой устраивали пир
и я рассказывал ей о массариковской Праге,
о воздухе молодой свободы.

Она ведь не бывала в «Латерна Магике».
В папиросном дымке снова возникали
лица-маски Йозефа Лады, Яна Зрзавого
и возвращались горячие споры
об экспрессионизме и романтизме
под лучшее пиво Европы.

Нектар



Прежде, чем спикировать при боковом ветре,
пустельга набирает высоту, еще не зная цели.
Писец не успеет выдавить на глине список ее побед.
Пишет он быстро, таких-то ловких на пальцах руки,
влажная глина податлива и лежит неподвижно,
он любит эту отборную мягкую глину сильнее,
чем сорок тысяч братьев, он умеет касаться ее тяжести
с обеих рук, но даже тогда
бурая пустельга летает быстрее и против ветра,
да еще и сама по себе, а не у ловчего на поводке.
Она атакует полевку с трепетом, окрашивая собою степь,
словно колибри зависает, учуяв нектар.
Глине не стать царицей библиотек,
разобьют таблички все, кто встретится на пути.
И что останется векам, ради которых ее обжигали
крепче камня, складывали в прочные ниши?
Писец ловит пустельгу одним движением.
И она летит себе, а табличка живет с ее отпечатком.

Конец августа. Гюстав Доре



*На иллюстрации Гюстава Доре
к «Гаргантюа и Пантагрюэлю» Ф. Рабле*

Слежалась стелька в темном передке
у одного из вытопанных тапок,
в передней сумрачно, и на половике
ботинок мокрый повалился набок

А дальше, в комнате и в кухне, на углах
клубясь, рассеивается из окон
свет. И в унисон подавленности мгла
примолкла на полу между волокон.

Среди порочного нагроможденья книг
я выберу уверенным наитьем
альбом, в котором давний мой двойник

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.